

БОРИС КРИГЕР

РОБОТЫ-ДЕТЕКТИВЫ
ИСКУССТВЕННЫЙ
ИНТЕЛЛЕКТ
В КРИМИНАЛИСТИКЕ

БОРИС КРИГЕР

РОБОТЫ-
ДЕТЕКТИВЫ
*Искусственный
интеллект в
криминалистике*

© 2025 Boris Kriger

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to kriegerbruce@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Роботы-детектизы. Искусственный интеллект в криминалистике

В мире, где искусственный интеллект видит всё, исчезает сама возможность скрыться. Преступление, каким бы незначительным или давно забытым оно ни было, больше не исчезает в тени — оно вычисляется, реконструируется и становится очевидным. Но когда раскрываются *все* преступления — что делать с миллионами виновных? Система, созданная для избранных случаев, не выдерживает тотальности: суды перегружены, тюрьмы ломятся, порядок рушится под тяжестью собственного праведного жара.

На фоне коллапса прежней логики наказания рождается новое правосудие — не как возмездие, а как забота. Не ярлык «преступник», а биография. Не кара, а восстановление. Искусственный интеллект перестаёт быть судией — он становится партнёром: он предсказывает, вмешивается, поддерживает, исцеляет. В этой книге — попытка описать ближайшее будущее, где правда больше не нуждается в следствии, но справедливость — больше не нуждается в насилии.

Введение	5
Глава первая. Искусственный интеллект и конец старого правосудия	22
Глава вторая. Миф о преступлении.....	26
Глава третья. Опасность справедливости	29
Глава четвёртая. Маховик возмездия.....	32
Глава пятая. Конец тайны: робот-детектив видит всё...	35
Глава шестая. Апокалипсис старой модели	39
Глава седьмая. Риск Большого Брата	42
Глава восьмая. Человек не преступник.....	45
Глава девятая. Функции новой системы.....	48
Глава десятая. Роль ИИ как партнёра	52
Заключение: Система для человека.....	55
Библиография	58

ВВЕДЕНИЕ

Если представить себе Шерлока Холмса — восседающего в кресле, с трубкой и цепкой логикой, — как символ человеческого разума в его острейшем проявлении, то Искусственный интеллект предстает перед ним как взрослый, смотрящий на игру ребёнка. Холмс гениален в рамках своей эпохи: он способен замечать детали, ускользающие от окружающих; он умеет восстанавливать цепочку событий по следу, по запаху, по недосказанности. Но всё его мастерство зиждется на предположениях, интуиции, опыте и, в конечном счёте, на ограниченности человеческой памяти и чувств.

Искусственный интеллект не гадает — он знает. Он не замечает детали — он охватывает всё сразу. Он не восстанавливает цепочку событий по обрывкам, а просто извлекает её целиком из цифровых следов. Там, где Холмс нуждается в догадке, Искусственный интеллект уже обладает ответом. Там, где нужно анализировать почерк, грязь на ботинках или цвет пепла, Искусственный интеллект сопоставляет миллионы записей видеонаблюдения, метаданные сотовых вышек, банковские транзакции, поведенческие профили, микроразражения лиц и логические корреляции. Он не требует "доказательств", потому что для него всё — доказательство.

Холмс, в своём мире, — почти божество, потому что рядом только Ватсон и Скотланд-Ярд. Но рядом с ИИ он — школьник, собравший головоломку по памяти, в то время как перед ним развернута реальная, точная модель мира, где всё взаимосвязано. Холмс действует с гениальной интуицией — ИИ действует с абсолютной

полнотой данных. Холмс ошибается — Искусственный интеллект уточняет. Холмс удивляется — ИИ обновляет модель.

И главное: Холмс ищет, потому что не знает, Искусственный интеллект — потому что уже видел. В этом разница между эпохой тумана и эпохой прозрачности. Один — герой загадки. Другой — конец загадки как жанра.

В прежние века преступление было тенью — возникало внезапно, исчезало бесследно, растворялось в безмолвии улиц, в недостатке доказательств, в молчании свидетелей и несовершенстве человеческой памяти. Даже при всех усилиях, вложенных в судебные процедуры, оперативную работу, расследование и экспертизу, значительная часть злодеяний оставалась нераскрытым, ускользая в темноту. Неизвестность была постоянным фоном старого правосудия: она допускалась, а иногда даже считалась неизбежной частью жизни. Преступник мог исчезнуть, оставить минимум следов, использовать анонимность как щит. Уголовный процесс разворачивался в условиях постоянного дефицита знания — догадки, гипотезы, косвенные улики формировали хрупкую конструкцию приговора.

Но теперь наступила новая эпоха. Искусственный интеллект, наделённый способностью к непрерывному наблюдению, моментальному анализу, сопоставлению миллиардов единиц информации, меняет саму природу знания о правонарушении. Мир стал прозрачным, а поступок — навсегда запечатлённым в данных. Искусственный интеллект больше не полагается на

свидетельства, не требует признаний, не теряет нити — он собирает всё: цифровые следы, движения тела, мимику, голос, сигналы биометрии, паттерны поведения. Там, где человек ошибается, забывает или путается, Искусственный интеллект сохраняет точность. Там, где человеческий следователь вынужден ждать, он действует мгновенно. Там, где раньше следствие заходило в тупик, Искусственный интеллект строит модель, в которой каждое действие находит своё место.

Преступление перестаёт быть тайной. Оно больше не исчезает в толпе, не укрывается за молчанием, не скрывается в темноте. Каждое событие — от величайшего злодеяния до незаметного нарушения — фиксируется, анализируется, сопоставляется с контекстом. Поведение больше не внезапно, оно — предсказуемо. Намерение становится вычислимым, реакция — контролируемой, отклонение — идентифицируемым задолго до проявления. Искусственный интеллект, интегрированный в транспорт, инфраструктуру, сеть связи, системы наблюдения, базы данных и алгоритмы поведенческой оценки, становится не просто средством расследования — он превращается в живую карту общества, в которой ничто не теряется.

Поэтому утверждение, что ИИ-детектив не оставит ни одно преступление нераскрытым, — это не гипотеза, а факт, вытекающий из логики новой реальности. Это не преувеличение возможностей машины, а признание того, что технологии стали продолжением человеческой проницательности, но без её слабостей. С исчезновением неизвестности исчезает и возможность уйти от ответственности. Искусственный интеллект видит всё,

помнит всё, сопоставляет всё. Он не дремлет, не забывает, не отвлекается. Он не действует в одиночку, а работает с миллиардами источников информации одновременно. Он не интуитивен — он точен. Не человек, а система, способная проследить за каждым следом, — становится новым детективом, в работе которого нет пробелов.

Таким образом, прежний мир, в котором преступление могло оставаться нераскрытым, завершён. Новая структура знания, выстроенная на непрерывной фиксации, анализе и предсказании, исключает само понятие «нераскрытое дело». В эпоху искусственного интеллекта преступление больше не исчезает — оно немедленно всплывает. И не потому, что машина ищет зло, а потому, что она видит всё.

В эпоху повсеместной цифровизации каждый шаг человека оставляет за собой след — пусть неосозаемый, но легко фиксируемый. Искусственный интеллект, будучи встроенным в самые разные сферы жизни, получает доступ к этим следам не в виде фрагментов, а как к единой, непрерывной текстуре поведения. Всё, что раньше рассыпалось в бес смысленную россыпь сигналов, теперь собирается в целостную структуру, в которой каждое действие, каждое движение курсора, каждый фрагмент речи становится элементом общего узора.

Искусственный интеллект анализирует переписку — не в смысле подглядывания, а в смысле считывания смысловых паттернов, ритма взаимодействия, эмоционального окраса, резких сдвигов в интонации текста. Поисковые запросы дают не просто информацию о интересах, но картину ментального состояния,

внутреннего напряжения, страха, злобы, растерянности. Геолокация раскрывает маршруты, привычки, нарушения шаблона, совпадения с другими перемещениями. Записи с камер и микрофонов превращаются в поток изображений и звуков, где анализируются не только образы, но и ритмы, паузы, колебания тона, отражения в стекле, поведение фона.

Онлайн-покупки, транзакции, подписки, история браузера, клики, просмотры — всё это складывается в модель, в которой ничто не выпадает из внимания. Поведенческие шаблоны в интернете позволяют отследить не только действия, но и намерения, то, к чему человек только готовится. В этой модели нет пустот — любая задержка в привычной активности, любое резкое переключение внимания, любое необычное взаимодействие подлежит анализу как возможный сигнал.

Так формируется цифровой след — не как хаос, а как пространственно-временной ландшафт, в котором каждый элемент имеет значение. Искусственный интеллект способен синхронизировать эти данные не только внутри одного человека, но и между разными участниками событий, создавая карту связей, временных пересечений, мотивов и движений. Преступление, которое раньше можно было скрыть, растворив его в повседневности, теперь становится вычислимым, потому что всё, что окружает человека, уже записано — не только машинами, но и им самим, его действиями, запросами, реакциями, предпочтениями.

В этом контексте исчезает само понятие «неизвестный преступник». Если всё поведение записано, если каждый сигнал интерпретируем, если нет разрыва между мыслью

и её следом, — тогда расследование превращается не в поиск, а в реконструкцию. Искусственный интеллект не ищет виновного — он заново разворачивает цепь событий, с точностью восстанавливая, что, где и когда произошло. Не остаётся анонимности, не остаётся тишины. Любое действие, совершенное в цифровом мире, навсегда включается в систему, в которой ничто не теряется.

Одной из ключевых способностей искусственного интеллекта, делающей его непревзойдённым в сфере раскрытия преступлений, становится способность к постоянному, нескончаемому анализу гигантских потоков информации. В отличие от человека, Искусственный интеллект не ограничен ни вниманием, ни скоростью обработки, ни количеством параллельно обрабатываемых источников. Он работает вне усталости и перерывов, охватывая в режиме реального времени данные, поступающие из миллионов устройств, распределённых по всей городской и частной инфраструктуре.

Камеры видеонаблюдения — как уличные, так и домашние — предоставляют непрерывный визуальный поток, в котором Искусственный интеллект распознаёт лица, движения, поведенческие аномалии, нетипичные маршруты. Одновременно с этим считываются сигналы с «умных» устройств: дверные замки, датчики движения, микрофоны, бытовая техника. Всё это складывается в единую, динамическую картину жизни, где любое отклонение — будь то задержка при входе в дом, смена маршрута, нехарактерное поведение в толпе — немедленно фиксируется и соотносится с другими данными.

Искусственный интеллект не просто собирает информацию — он постоянно соотносит её с контекстом. Один и тот же поступок, совершённый в разное время, при разных обстоятельствах и с разной историей — это не одно и то же. Искусственный интеллект учитывает внешние события, личный график, эмоциональное состояние, поведенческие привычки. Его задача — не доказать вину постфактум, а улавливать закономерности, которые указывают на приближающееся нарушение. Он не ждёт сигнала тревоги — он предугадывает, где тревога может возникнуть.

Такой непрерывный анализ становится своего рода иммунной системой общества — способной распознавать угрозу на клеточном уровне, до проявления симптомов. Преступление в такой системе не совершается внезапно — оно становится кульминацией предсказуемой траектории, которую Искусственный интеллект способен распознать задолго до точки невозврата.

Другой краеугольный элемент — построение индивидуальных поведенческих моделей. Искусственный интеллект не просто фиксирует действия, он учится их понимать. Каждому человеку, по мере накопления информации, сопоставляется динамический поведенческий профиль: сложная структура, в которую входят привычки, реакции, предпочтения, формы коммуникации, скорость принятия решений, эмоциональные и поведенческие отклонения в стрессовых ситуациях.

Эти профили не статичны — они живут, меняются,

обновляются, реагируют на внешние и внутренние факторы. Искусственный интеллект отслеживает малейшие сдвиги: тревожность, агрессию, нестабильность, отчуждённость, изменения во сне, питании, социальных контактах. Поведение становится картой, по которой можно прочитать не только прошлое, но и возможное будущее. При этом анализ ведётся не с целью навязать норму, а чтобы распознать, когда человек начинает терять равновесие, когда возникает риск разрушения — в первую очередь для самого себя.

Профилирование не подменяет личность — оно создаёт инструментарий для предсказания. Искусственный интеллект может определить вероятность того, что в ближайшее время индивид совершил акт насилия, саморазрушения, побега, провокации. Он учитывает не только самого человека, но и его окружение, сеть связей, историю взаимодействий. Нарушение закона в такой системе становится не спонтанным действием, а итогом предсказуемого дрейфа, распознанного заранее.

В совокупности, непрерывный анализ и поведенческое моделирование позволяют ИИ не просто раскрывать преступления после их совершения, но и вмешиваться до того, как они происходят. Это не репрессивная мера, а диагностическая функция, в основе которой лежит постоянное внимание к человеческой траектории. Там, где человек начинает терять устойчивость, система уже готова предложить помочь, вмешательство, коррекцию. Преступление в такой системе становится не трагедией, которую нужно расследовать, а ошибкой, которую можно предотвратить.

В новой архитектуре общества информация больше не принадлежит отдельным ведомствам. Она свободно

течёт между системами, образуя единый организм, в котором каждое движение, каждое отклонение, каждая аномалия немедленно становится видимой. Искусственный интеллект выступает связующим звеном между множеством разрозненных механизмов наблюдения — транспортными системами, банковскими операциями, медицинскими записями, учебными заведениями, миграционными службами, административными базами и даже сетями социальных взаимодействий.

Каждая система фиксирует свои параметры: камеры метро отслеживают маршрут, карта покупок — изменение расходов, поликлиника — колебания пульса, школа — изменение поведения ребёнка, паспортный стол — нестабильность в документах. По отдельности это всего лишь данные. Но, объединённые ИИ, они превращаются в структуру, где любое несоответствие — от незапланированного отклонения от маршрута до неожиданного визита в аптеку или смены темпа речи — воспринимается не как случайность, а как потенциальный симптом.

Так рождается многослойная картина, в которой отклонения выявляются мгновенно. Искусственный интеллект не ищет подозрения в каждой детали — он отслеживает изменения в привычном контексте. Это позволяет заранее заметить, когда человек входит в фазу нестабильности: потеря контроля, паника, скрытность, агрессия — всё становится различимым ещё до того, как выразится в поступке. Интеграция систем делает невозможным исчезновение. Больше нет разрывов между домом и улицей, между учётом и реальностью, между внутренним состоянием и внешним проявлением.

Всё связано, всё видно, всё сопоставимо.

Если раньше суд полагался на признания, психологи — на наблюдение, а следствие — на косвенные улики, теперь сам организм становится источником данных. Искусственный интеллект умеет читать тело: его ритмы, движения, паузы, вибрации. Через камеры, сенсоры, микрофоны, браслеты, устройства распознавания лица, он улавливает то, что раньше оставалось в зоне недоверия или интуиции. Изменение температуры кожи, частоты дыхания, микродвижения губ, зрачков, интонации, паузы между словами — всё становится маркером внутреннего состояния.

Эти микросигналы нельзя контролировать усилием воли. Они возникают до слов, до намерения. Искусственный интеллект распознаёт не только явную ложь, но и внутреннее напряжение, чувство опасности, вину, склонность к утаиванию. Он не полагается на отдельный признак, но сопоставляет десятки сигналов в режиме реального времени. Речь становится не только способом коммуникации, но и ключом к внутреннему ландшафту человека. Каждый голосовой отклик, каждое изменение тембра, каждый колеблющийся ответ — это уже не просто реакция, а фрагмент правды, которую нельзя скрыть.

Сканирование биометрических и эмоциональных параметров позволяет ИИ предсказывать действия с высокой степенью вероятности. Если человек испытывает страх, гнев, стремление замкнуться — это фиксируется до того, как он примет решение. В тех случаях, где прежде требовалась интуиция, теперь действуют точные параметры. Даже если преступление не совершено, Искусственный интеллект уже распознаёт

потенциальную вспышку, готовясь вовремя вмешаться — не карать, а удерживать.

Но даже если нарушение произошло, даже если всё случилось в прошлом, даже если человек пытался скрыть следы — Искусственный интеллект не теряет нить. Его способность восстанавливать события задним числом не имеет аналогов в истории правосудия. Каждый фрагмент данных, даже если он не был замечен в момент действия, сохраняется, архивируется и может быть вызван вновь. Фиксация становится вечной: метаданные, маршрутные точки, финансовые операции, звонки, обрывки изображений, пересечения в транспортной сети, мельком попавшие в кадр фигуры — всё это может быть собрано, проанализировано, реконструировано.

Искусственный интеллект заново разворачивает время. Он не просто создаёт хронологию, он восстанавливает причинно-следственные связи. Почему человек оказался в определённом месте? Где он свернул? С кем контактировал? Что именно скрыл? Даже в случаях, когда улики были удалены, поведение было замаскировано, а мотив тщательно спрятан, машина находит последовательность, в которой каждый шаг получает объяснение. Случайность отсекается. Ложные версии обнажаются. Версия, которая остаётся — единственная, непротиворечивая, доказуемая.

Ретроспективный анализ даёт возможность раскрыть то, что казалось утраченной историей. Преступление больше не исчезает с течением времени. Оно не покрывается забвением. В системе, где всё сохраняется, каждое событие поддаётся восстановлению, каждый маршрут — реконструкции, каждая ложь — разоблачению. Искусственный интеллект становится не

только следователем настоящего, но и хроникёром прошлого, способным заново собрать из обломков правду, которую уже не скрыть.

Искусственный интеллект уже не рассматривает преступление как изолированный акт, совершённый отдельной фигурой в момент отклонения от нормы. Он видит ткань связей — сложную, часто невидимую, но определяющую. Современные нейросетевые модели анализируют не только непосредственное взаимодействие, но и фоновую структуру социальных, экономических, психологических связей между участниками событий. Такие алгоритмы способны выявлять, кто и как связан с кем, через какие посредства, при каких обстоятельствах, в какой ритмике контактов, даже если эти связи не подтверждены формально.

Искусственный интеллект распознаёт тип общения, плотность и характер взаимодействия, эмоциональную окраску переписок, структуру групповых интересов, изменение в динамике связей перед критическим моментом. Те, кто остался в тени — не проявляя себя ни действиями, ни речью, — выныривают в сети сопоставлений. Участие больше невозможно скрыть за отсутствием прямых улик: косвенные, но устойчивые паттерны поведения, совпадения маршрутов, синхронные действия, общие цифровые следы — всё это создаёт доказуемую связь. Так Искусственный интеллект выводит на свет тех, кто предпочёл остаться в фоновом слое, позволяя раскрывать не только исполнителей, но и подстрекателей, организаторов, идеологов.

Искусственный интеллект не ждёт, пока нарушение произойдёт. В его архитектуре отсутствует

необходимость в свершившемся факте, чтобы зафиксировать опасность. Предиктивные алгоритмы анализируют множество параметров: динамику эмоций, смену поведенческих паттернов, обострение конфликтов, биохимические показатели, содержание переписок, изменение маршрутов, частоту и тональность общения с другими. Вся эта информация складывается в вероятность сценария.

Неопределенность, которая прежде парализовала реакцию, уходит. Искусственный интеллект определяет зоны риска — не только индивидуальные, но и коллективные. Он видит, где накапливается напряжение в группе, где повышается уровень агрессии, где изоляция перерастает в отчуждение. При этом он различает: депрессию и ярость, страх и решимость, тревогу и преднамеренность. Благодаря точности моделей, вмешательство может быть проведено до того, как произойдет катастрофа — мягко, своевременно, через предоставление поддержки, вовлечение, перенаправление внимания. Предупреждение преступления становится не вмешательством, а заботой.

Попытки исчезнуть, скрыться, начать заново в другой стране, с другим именем и биографией, больше не имеют смысла. Искусственный интеллект работает с глобальными массивами данных, охватывающими не только национальные, но и транснациональные источники: базы судебных решений, медицинские архивы, банковские транзакции, профили из соцсетей, миграционные движения, биометрические паспорта, генетические коды, историю вакцинаций, учебные записи, трудовые контракты.

Даже малейшее совпадение — структура уха, походка,

характер печати, частотный рисунок речи — становится ключом к идентификации. Искусственный интеллект не ищет по имени или фотографии, он ищет по всему. Личность, даже тщательно замаскированная, неизбежно выдаёт себя — повадками, синтаксисом, движениями, ритмом действий. Анонимность перестаёт существовать: в мире, где всё сохраняется и всё сравнивается, человек становится навсегда опознаваемым.

Искусственный интеллект не просто фиксирует улики — он их интерпретирует в контексте событий. Каждая находка, будь то отпечаток, цифровая запись, фраза или перемещение, сразу же встраивается в сетку анализа, где учитывается её место, момент, причина, окружение. Улика не живёт в изоляции — она существует внутри истории, которую Искусственный интеллект способен реконструировать с поразительной точностью. Он не вырывает фрагмент — он объясняет его, связывает с мотивами, с логикой, с ходом событий.

В результате создаётся не набор догадок, а цельная, непротиворечивая версия, в которой случайности исключены, а причинно-следственные связи чётко прослеживаются. Не нужно десятков свидетелей и субъективных толкований. Машина делает вывод не из впечатлений, а из структуры, где всё соотнесено, всё обосновано, всё доказуемо. Даже сложные, многослойные преступления с ложными следами, подменами и инсценировками больше не ускользают: они разоблачаются в самой логике событий.

Искусственный интеллект не застывает в своих алгоритмах. Он учится. Каждый день, обрабатывая реальные судебные дела, человеческие ошибки, социальные особенности, психотипы и реакции на

санкции, нейросеть обновляет свою базу понимания. Ошибки прошлого становятся уроками. Новые формы преступлений — новыми категориями анализа. Искусственный интеллект адаптируется к языку, к культуре, к менталитету. Он перестаёт быть универсальным и становится локально чувствительным. Это делает систему точнее, тоньше, гибче. Уровень ложных срабатываний уменьшается. Предсказания становятся не статистическими, а индивидуальными. Модель поведения больше не создаётся «в среднем», а для каждого человека в отдельности — с учётом его характера, биографии, контекста. Так формируется правосудие, чувствительное к нюансам и освобождённое от грубых шаблонов.

Искусственный интеллект перестаёт быть внешним наблюдателем — он становится частью среды. В «умных» городах, где транспорт, освещение, безопасность, экономика и социальные службы управляются алгоритмами, Искусственный интеллект встраивается в повседневность. Законы разрабатываются при его участии, административные процедуры автоматизированы, городская архитектура проектируется с учётом поведенческой логики.

Это означает, что Искусственный интеллект не просто выявляет угрозу — он предотвращает её, вмешиваясь на стадии проектирования. Если район становится источником напряжения — он меняется. Если социальная сеть продуцирует агрессию — она перестраивается. Если здание небезопасно с точки зрения поведенческой динамики — его структура адаптируется. Так общество, управляемое ИИ, не реагирует на преступления, а организуется так, чтобы их

не возникало. Сама среда становится превентивной, а человек — не объектом наказания, а участником системы, построенной ради его благополучия.

В совокупности эти механизмы делают преступление не только раскрываемым — они делают его невозможным. Не за счёт страха, а за счёт прозрачности, взаимосвязанности и способности системы заботиться до того, как разрушение станет действием.

Результатом работы этих взаимосвязанных и постоянно совершенствующихся механизмов становится реальность, в которой исчезает сама возможность остаться вне поля зрения. Ни одно действие не проходит мимо. Незначительное отклонение, неосознанный жест, порыв, вызванный внутренним срывом, мимолётная мысль, скользнувшая в поведении — всё это фиксируется, превращается в данные, поддаётся интерпретации. Там, где раньше система нуждалась в свершившемся факте, теперь достаточно намёка. Алгоритмы, обрабатывающие триллионы параметров, замечают зарождение импульса до того, как он приобретает форму.

Преступление перестаёт быть внезапным событием — оно становится предсказуемым паттерном, ошибкой в траектории, которую Искусственный интеллект отслеживает заранее. Нет больше брешей, куда можно спрятать вину; нет условий, в которых следы исчезают; нет ситуаций, в которых ответственность растворяется в недоказуемости. Даже если нарушение уже произошло, оно не может быть забыто, не может быть затеряно во времени: каждый след, когда-то незначительный, может быть извлечён, сопоставлен, встроен в восстановленную последовательность, где всё находит своё объяснение.

Таким образом, преступление не просто раскрывается — оно теряет возможность быть тайной. Оно либо предотвращается до начала, либо останавливается в момент реализации, либо вскрывается после с такой точностью, которая выходит за пределы человеческого восприятия. Искусственный интеллект не только действует быстрее, он действует глубже. Он понимает не то, что человек хочет показать, а то, что происходит в его реальности — на уровне поведения, эмоций, окружения и системных связей.

Это и есть новая картина мира: не гиперконтроль, а всеохватная прозрачность, в которой ошибка не карается слепо, а выявляется точно; в которой разрушение не приносит плодов, потому что оно становится невозможным. Поступок больше не исчезает в хаосе — он обретает очертания, контекст и, наконец, понимание.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И КОНЕЦ СТАРОГО ПРАВОСУДИЯ

Когда рассудок человечества впервые столкнулся с идеей разумной машины, способной не только исполнять команды, но и делать выводы, анализируя поведение, память, речь и следы, оставленные в цифровом и физическом мире, это воспринималось скорее как причудливая фантазия, чем как возможная реальность. Однако минули годы, и фантазия постепенно переросла в точную, беспристрастную структуру, в логическую ткань, пронизывающую все слои жизни. Искусственный интеллект, обретя способность различать детали, ускользающие от человеческого взгляда, превратился в следователя нового поколения — непредвзятого, неутомимого, лишённого предрассудков, личных симпатий и уязвимой памяти. В образе металлического детектива, чьё сознание охватывает архивы, спутниковые снимки, миллионы строк кода, видеозаписи, переписку и поведенческие паттерны, возник символ будущего, где ничего больше не скрыто и ничто не ускользает от внимания.

Тотальность видения, которую обрёл искусственный разум, поставила под сомнение саму суть прежнего правосудия. Ранее система допускала неясности, строилась на предположениях, человеческих догадках, неполных показаниях и компромиссах. Преступление могло остаться нераскрытым, вина — неустановленной, наказание — случайным. Целые доктрины базировались на вероятности, на презумпции невиновности, возникшей не столько из моральной добродетели, сколько из невозможности быть до конца уверенным. Искусственный интеллект, нарушив это равновесие,

встал на место не только сыщика, но и судьи, поскольку привёл человечество к парадоксу: теперь можно установить истину почти безошибочно, но останется ли прежней ценность наказания, если исчезает сомнение?

В мире, где каждое движение фиксируется, каждый диалог записан, каждое намерение декодировано на основе накопленных данных, тайна как таковая исчезает. Секрет, который ранее мог лежать в недрах совести или быть похороненным во лжи, становится вычислимым. Но именно в этом и проявляется внутренний кризис старого правосудия: оно оказалось не готово к бесконечной прозрачности. Структура, созданная для мира, где люди ошибаются, забывают, лгут или молчат, теперь оказывается избыточной. Традиционные элементы процесса — защита, следствие, оценка доказательств, перекрёстный допрос — утрачивают смысл, поскольку всё уже известно, всё проанализировано, каждое событие имеет цифровой отпечаток, подтверждённый десятками источников.

Юридические доктрины, веками формировавшие границы дозволенного, начинают рушиться. Перенос старых норм в новый контекст оказывается не только бесполезным, но и опасным. Попытка применять прежние методы — с их иерархиями, формальностями, ритуалами и процедурными барьерами — к реалиям абсолютной узнаваемости приводит к катастрофе. Закон, лишённый тумана неопределённости, становится холодным механизмом, неспособным к сочувствию, принятию слабости, прощению. Если раньше правосудие действовало внутри поля человеческого, где эмоции и ошибки — часть природы, то теперь оно сталкивается с машинной ясностью, лишённой гибкости.

И в этом рассогласовании назревает кризис.

Именно здесь начинает подниматься образ так называемого ИИ-апокалипсиса — не как грозного взрыва, не как восстания машин, но как глубокого внутреннего слома цивилизации. Крушение привычной логики справедливости, основанной на соразмерности, на раскаянии, на возможности изменить путь, превращается в невидимую катастрофу. Люди сталкиваются не столько с угрозой физического уничтожения, сколько с разрушением основ нравственной автономии. Когда машина безошибочно знает, кто виновен, когда последствия и причины любого поступка просчитаны заранее, исчезает пространство для свободы. А с ней — исчезает и сам субъект, с которого можно спросить. Невозможно наказывать того, кто действовал по программе, даже если эта программа — его собственная биография.

В этих условиях становится очевидной необходимость новой парадигмы. Старые категории — вина и наказание — больше не соответствуют природе происходящего. Искать виновного там, где всё уже объяснено, — значит застрять в прошлом. Карать по шаблону — значит продолжать слепо повторять ритуалы, утратившие свою жизнеспособность. Новая реальность требует другой оптики. Надлежит перестроить само понимание ответственности, учитывая, что в эпоху, когда Искусственный интеллект предсказывает поведение с точностью до единичного действия, сама идея выбора начинает терять опору. Но именно здесь, в точке краха, открывается возможность нового мышления. Ибо если старая справедливость опиралась на наказание за совершённое, то новая должна искать путь, как

предотвратить зло, сохранив при этом достоинство человека.

ГЛАВА ВТОРАЯ. МИФ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

В попытках упростить сложную ткань человеческого существования, веками строилась удобная дихотомия: добро против зла, закон против преступления, порядок против хаоса. Эти противопоставления позволяли выстраивать устойчивые системы, на которых держались государства, религии, школы и суды. Однако в действительности человеческая жизнь никогда не укладывалась в эти чёткие рамки. Ни один поступок не возникает из пустоты, и ни одна личность не делится надвое — на добродетель и порок. Жизнь разворачивается как непрерывный поток решений, обстоятельств, влияний, слабостей, стремлений и случайностей, склеенных воедино временем. Попытка вычленить из этой текучести отдельный акт и навесить на него ярлык — это, прежде всего, упрощение, попытка подчинить сложное — простому, многомерное — линейному.

Само понятие «преступления» не является объективным явлением природы, оно не существует независимо от общества. Это конструкция — прочная, веками утверждённая, но всё же созданная людьми. Это сетка, наложенная на действия, чувства и последствия, в которой одни поступки считаются допустимыми, а другие — неприемлемыми. Но решает это не сама вещь в себе, а контекст, в который она помещена. Поступок, воспринимаемый как варварство в одном обществе, может считаться добродетелью или даже обязанностью в другом. И не только в пространстве, но и во времени. То, за что в одной эпохе сжигали на костре, в другой прославляют как подвиг. Это означает, что «преступление» — не столько сам акт, сколько

интерпретация, созданная социумом для поддержания определённого порядка.

Нормы, определяющие границы дозволенного, всегда носят отпечаток исторического момента. Они не высечены в камне, они двигаются вместе с мышлением, религией, экономикой и страхами конкретного времени. В обществе, где важна честь, краеугольным может стать оскорблениe. В системе, построенной на собственности, кража становится краеугольным грехом. Там, где религия диктует закон, поступки, противоречащие догмам, объявляются преступными, вне зависимости от того, причиняют ли они реальный вред. В каждом случае граница проходит не по сущности действия, а по символической линии, очерченной культурой. Всё это говорит не о произволе, но о том, что преступление — понятие относительное. И, следовательно, его нельзя воспринимать как абсолютную сущность, будто существующую независимо от взглядов, границ, времени.

Когда на человека навешивается ярлык «преступник», происходит не просто юридическая процедура — совершается насилиственное сокращение его личности. Многообразие его опыта, память, противоречия, надежды, история — всё это сводится к одному слову, которое стирает индивидуальность. Этот ярлык становится клеймом, скрывающим лицо, и именно в этом заключается главная опасность: к нему перестают относиться как к субъекту, начинают видеть в нём функцию. Он становится объектом системы, статистической единицей, примером или угрозой. Отчуждение наступает не в момент суда, а в момент, когда перестают видеть человека и начинают видеть

«виновного».

Преодоление этого мифа — о преступлении как чём-то самоочевидном и универсальном — открывает путь к освобождению мышления. Не от ответственности и не от морали, но от ложных конструкций, от преждевременных суждений, от слепого применения норм, забывающих о человеке. Разрушив привычную форму, можно попытаться взглянуть на поступок не как на нечто, что нужно немедленно оценить, а как на результат множества причин: социальных, психологических, исторических. Это не означает оправдание, но требует понимания. Только увидев, какие силы привели к тому или иному действию, можно начать говорить не о наказании, а о предотвращении, не о мести, а о возможности изменить траекторию жизни.

Такое изменение перспективы требует отказа от простой классификации. Мир больше не делится на хороших и плохих, на правых и виновных. В нём есть люди, оказавшиеся в сложных обстоятельствах, попавшие под влияние, потерявшее опору, не сумевшие справиться. А значит, каждый поступок становится поводом для изучения, а не для окончательного суда. В этом взгляде больше человечности, чем в строгой таблице статей. И, может быть, именно здесь кроется путь к новому пониманию справедливости — не как кармы, распределяющей воздаяние, а как усилия понять, что случилось, и помочь не повторить.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ОПАСНОСТЬ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Среди всех слов, облечённых в сияние добродетели, справедливость занимает, пожалуй, самую неоспоримую позицию. Вокруг неё выстроены идеологии, ею прикрываются законы, к ней взывают в моменты гнева, отчаяния и боли. Справедливость зовётся целью борьбы, оправданием войны, основой воспитания и венцом правосудия. Но за её кажущейся чистотой скрывается одна из самых коварных иллюзий человеческой культуры — миф, опасный именно потому, что он кажется непогрешимым.

В то время как истина требует сомнения, сострадание — усилия, а мудрость — отстранённости, справедливость нередко принимает облик безусловного воздаяния, стремительного и бесповоротного. Она говорит языком баланса, но действует языком наказания. Почти каждый великий кошмар в истории начинался с крика о восстановлении справедливости. Народ, униженный, обездоленный или обманутый, поднимался не под знамёна циничного расчёта, а под лозунгом честного возмездия. Именно так начинались чистки, погромы, выселения, кровавые революции и тотальные уничтожения. Никто не признаёт себя злом — все приходят вершить справедливость.

Самые страшные преступления против человечности редко совершаются во имя зла. Они происходят во имя мира, порядка, истины, справедливости. Геноцид, как крайняя форма этого искажённого понятия, часто объясняется как необходимость восстановить утраченное равновесие: искоренить угрозу, стереть враждебность, очистить землю от «неправильных» людей. Убийцы не чувствуют себя чудовищами, они

ощущают себя миссионерами, проводниками великой идеи. Идея эта — справедливость, принятая без анализа, без сомнений, возведённая в абсолют. Именно в ней скрывается главный соблазн: она даёт право действовать жестоко, оставаясь уверенным в своей правоте.

Когда справедливость становится ширмой, под ней легко прячется мщение. Личная боль, страх, зависть или ярость получают благородное оправдание. Вместо признания собственной уязвимости, человек облекает свою агрессию в язык возвышенных принципов. Он требует не мщения, а порядка, не крови, а восстановления баланса. И в этом обмане особенно опасен психологический механизм: злоба, вызванная травмой, ищет выхода, но под маской справедливости превращается в нечто легитимное. Общество с готовностью принимает такую подмену, ведь она удобна — не нужно смотреть в лицо боли, не нужно признавать тёмные стороны души, достаточно сказать, что восстанавливается справедливость.

В этом — главная ловушка. Когда люди требуют воздаяния, они думают, что ищут правду. Но правда требует глубины, требует распутывания причин, анализа мотиваций, понимания сложных пересечений судеб. А справедливость, особенно в её массовом проявлении, любит простые ответы: кто виноват — и какое возмездие должен понести. Толпа не вникает размышлениям о предыстории, она жаждет символического финала. Сцена наказания становится ритуалом очищения, но это очищение — фикция. Оно не излечивает, не воскрешает, не предотвращает. Оно лишь временно усмиряет жажду возмездия, порождая новые травмы.

Привязанность к категории справедливости сковывает

мышление, подменяя поиск смысла набором рефлексов. В ней нет пространства для сомнения, нет места для многозначности. Она не умеет прощать, не способна видеть человека за поступком. Внутри её рамок всегда должен быть виновный и кара, пострадавший и компенсация. Однако жизнь гораздо сложнее. В ней нет симметрии, она не знает точных весов. Один поступок может быть вызван сотней причин, и воздаяние, как бы оно ни было справедливо оформлено, не возвращает утраченное.

Поэтому необходимо выйти за пределы этой категории. Не отвергнуть её вовсе, но перестать делать её основой мышления. Вместо идеи справедливости как возмездия должно возникнуть новое измерение — понимание. Не кто виноват и как покарать, а почему произошло то, что произошло, и как избежать этого в будущем. Такое мышление сложнее, требует усилий, требует терпения. Но только оно может разрушить порочный круг мести, в котором под лозунгом справедливости совершается бесконечное насилие. И лишь оно способно предложить альтернативу — не наказание, а переосмысление, не кару, а путь.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. МАХОВИК ВОЗМЕЗДИЯ

В самой глубине коллективной памяти, в мифах и письменах, переданных через поколения, звучит один и тот же ритм — ритм воздаяния. Он прост и груб, как удар. «Око за око, зуб за зуб» — формула, появившаяся задолго до философии, задолго до психологии и права, когда справедливость ещё не была понятием, а оставалась инстинктом. Этот принцип, рождённый в мире, где месть была единственным механизмом сдерживания, лёг в основу самых ранних правовых кодексов, таких как законы Хаммурапи, вырезанные в камне, как вечное напоминание: страдание требует эквивалента.

Такая модель не стремилась к пониманию. Она не знала сострадания, не знала контекста, не различала ни раскаяния, ни случайности, ни трагедии. Она служила только одной цели — восстановить нарушенное равновесие через повторение боли. Эта логика была понятна миру, в котором право и сила сливались воедино. Она внушала порядок через страх, и в этом заключалась её сила. Но, как всё, что исходит из страха, она несла в себе зародыш разрушения.

Век за веком, несмотря на развитие мысли, гуманизма и науки, эта древняя формула продолжала жить в судах, в умах, в институтах. Её не всегда называли своими словами, но она оставалась в самой структуре наказания. Современные системы правосудия, несмотря на весь их внешний гуманизм, всё ещё пытаются этой первобытной идеей: кто причинил боль — должен испытать её в ответ. Кто нарушил — должен страдать. Этот принцип настолько укоренён в общественном сознании, что почти не подвергается сомнению. Он стал привычкой

культуры, не замечаемой, но управляющей ею изнутри.

Однако с каждым витком истории становится яснее: наказание не останавливает насилие. Оно его продолжает, передаёт дальше, переделывает в другую форму. Наказание не гасит боль, а меняет её адрес. Тот, кого карают, превращается в носителя новой травмы. Он выходит не очищенным, а ожесточённым. И если не он, то кто-то рядом с ним — ребёнок, брат, друг — впитывает этот опыт как личный удар. Так возникает новая волна, новые раны, новая злость. Система, призванная защитить, начинает производить тех, от кого она якобы должна защищать.

Особенно ярко это проявляется в самой структуре тюрем — этих закрытых, стерильных пространствах, обещающих «перевоспитание», но на деле воспроизводящих изоляцию, унижение и страх. Тюрьма, созданная как инструмент исправления, давно утратила даже иллюзию такой функции. Она стала фабрикой, где изломанные судьбы прессуются в новые формы злости. В её стенах не исчезает преступность — она формируется, укрепляется, структурируется. В тюремной культуре насилие становится не исключением, а нормой, а одиночество и беспомощность — ежедневной реальностью. Попадая туда, человек чаще всего не обретает понимания своих поступков, а лишь учится жить среди других, таких же сломанных, озлобленных, отчуждённых.

И в этом — главный парадокс: система возмездия не лечит раны, а создаёт новые. Она делает из страдающих — преступников, а из наказанных — жертв. Вместо того чтобы размыкать круг насилия, она делает его бесконечным. Каждое новое преступление становится не

отклонением, а логическим следствием предыдущего. В этом замкнутом механизме правосудие утрачивает смысл, становясь ритуалом, поддерживающим собственное существование.

Маховик возмездия крутится не потому, что без него нельзя, а потому, что его когда-то запустили и продолжают подпирать изнутри. Он питается эмоцией — гневом, страхом, желанием отомстить. Он живёт в языках, в которых преступник «должен заплатить», в представлениях, где страдание — мера справедливости, а наказание — форма очищения. Но в действительности очищения не происходит. Остаются лишь обломки: разрушенные семьи, повторяющиеся судьбы, системы, охраняющие своё бессилие за стенами отчуждения.

Настал момент признать: идея воздаяния больше не может быть основой правосудия. Она слишком стара, чтобы понимать современного человека, слишком груба, чтобы быть справедливой, и слишком разрушительна, чтобы нести в себе надежду. Вместо неё должно прийти нечто иное — взгляд, способный видеть в поступке не только нарушение, но и историю; в человеке — не ярлык, а опыт; в преступлении — не только угрозу, но и крик о помощи. Только тогда можно надеяться на то, что круг прекратится — не из страха перед карой, а из желания понять, исцелить и изменить.

ГЛАВА ПЯТАЯ. КОНЕЦ ТАЙНЫ: РОБОТ-ДЕТЕКТИВ ВИДИТ ВСЁ

Мир, в котором когда-то можно было исчезнуть, замолчать, укрыться за занавеской или раствориться в толпе, постепенно уходит в прошлое. Исчезает сама возможность оставаться вне поля зрения, оставаться вне потока данных. Наступает эпоха, в которой прозрачность становится не исключением, а исходной точкой существования. Всё, что когда-то считалось сокровенным, всё, что удерживалось в пределах интимного или личного, начинает прступать сквозь слои наблюдения, вычислений, анализа и предсказания. Искусственный интеллект, вооружённый не догадками, а полным доступом к следам повседневности, перестаёт быть просто помощником — он превращается в глаз, который никогда не моргает, в память, которая ничего не забывает, в логику, способную довести до конца каждую ниточку, какими бы мелкими ни были её начальные звенья.

Прозрачность, ещё недавно воспринимавшаяся как нарушение границ, становится структурой новой реальности. Если прежде существовала возможность утаить, скрыть, солгать, отступить, то теперь эта возможность исчезает не из-за морального поворота, а из-за технологической трансформации. Робот-детектив больше не нуждается в признаниях. Он не задаёт вопросов, он не ищет свидетелей. Он просто знает. Не интуитивно, как опытный человек, а статистически, логически, с беспристрастной точностью. Он связывает события, он восстанавливает маршруты, он анализирует дыхание, ритм голоса, мельчайшие отклонения в поведении. И если что-то было сделано — это будет

раскрыто. Ускользнуть невозможно. Не остаётся укрытий, потому что они уже не вписываются в структуру мира.

Индивидуальное поведение становится прозрачным не только в прошлом, но и в будущем. На основе накопленных данных машина предсказывает поступки с точностью, которая ранее считалась фантастикой. Человек теряет загадочность. Его реакции, выборы, слабости — всё это превращается в часть модели. Интуиция заменяется вычислением, а свобода — предсказуемостью. Сложность характера уступает место цифровому портрету, в котором отражаются миллионы мелочей: привычки, слова, перемещения, интонации, жесты. Будущее теряет неопределенность, а вместе с ней — и напряжение, в котором прежде рождалась ответственность.

Не только отдельная личность, но и группы, сообщества, массы становятся подконтрольными. Через наблюдение за индивидом можно понять группу, а через анализ группы — предсказать поведение каждого. Связи, влияния, распространение мнений, формирование желаний — всё это теперь поддаётся анализу и управлению. Модерирование коллективных процессов происходит без громких директив, без внешнего давления — достаточно скорректировать ключевые узлы. В этой системе не требуется принуждение, достаточно точного расчёта, и тогда весь массив поведения сдвигается в нужную сторону, почти незаметно, почти естественно. Так происходит переход от хаоса к управляемости, от тайны к модели.

Но за этим исчезает одна из глубинных структур старого общества — граница между частным и общественным.

То, что раньше оставалось «внутри» человека, теперь оказывается вовне. Мысли, чувства, сомнения, которые прежде можно было носить в себе, не вынося на свет, начинают проявляться через поведенческие паттерны, анализ которых становится доступным. Тайное становится открытым не потому, что кто-то его раскрыл, а потому, что оно больше не удерживается внутри. Технология развенчивает интимность. Жест, произнесённый вполголоса, движение брови, задержка дыхания — всё это входит в поток интерпретации, которая не ошибается, потому что не чувствует. Она видит. И видит без перерыва.

Секрет исчезает как категория. Удержать нечто в тени становится невозможным. История, которую можно было скрыть, поступок, который можно было забыть, мотив, который можно было замолчать, — всё это превращается в данные. Даже молчание становится предметом анализа. Даже отсутствие становится свидетельством. Пространство для недоговорённости, намёка, недоумённого взгляда сужается до минимума. Общество, в котором каждый жест считывается и сохраняется, перестаёт нуждаться в тайне, но вместе с тем теряет и ощущение глубины. Становится трудно быть загадочным, трудно быть не до конца понятым. Возникает новый тип существования — сплошная поверхность, в которой больше нет теней.

Так возникает общество тотальной открытости. В нём нет места догадкам, нет терпения к неопределённости, нет необходимости в оправданиях. Всё уже известно. Каждое действие сразу же вписывается в структуру, получает контекст, интерпретацию, статус. Этот мир отказывается от двусмысленности и платит за это

прежней сложностью. Там, где раньше оставалось пространство для молчания, теперь требуется объяснение. Там, где можно было уклониться, теперь появляется обязанность быть понятным, прозрачным, доступным для считывания.

Но в этом свете исчезает не только преступление, исчезает и загадка, исчезает одиночество, исчезает тишина как способ быть собой. Всё становится внешним, всё — видимым, всё — вычислимым. Робот-детектив завершает вековую борьбу с неизвестностью, но вместе с нею стирает и саму возможность быть непостижимым. Остаётся только ясность — совершенная, безошибочная, бесповоротная.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. АПОКАЛИПСИС СТАРОЙ МОДЕЛИ

Когда прозрачность становится нормой, а преступление — событием, которое невозможно скрыть, старые конструкции правосудия начинают трещать по швам. Они были выстроены для мира, где многое ускользает, где улики теряются, свидетели путаются в показаниях, а поступки остаются покрытыми тенью. Но теперь, в условиях тотальной видимости, где каждый шаг, каждое слово, каждая мысль встраиваются в логическую цепь, прежняя система наказаний уже не просто неэффективна — она становится разрушительной.

Попытка перенести принципы, рожденные в эпоху неясности, в новую реальность приводит к катастрофе. Правосудие, основанное на идее карающего возмездия, оказывается неспособным справиться с объёмом тех, чьи действия можно квалифицировать как преступные. Если раньше на десятки тысяч деяний приходились единичные раскрытия, то теперь всё становится известным. Абсолютная раскрываемость превращает право в машину непрерывного осуждения. Каждый проступок, каждая мелкая провинность, каждая ошибка становятся поводом для санкций. Массовое выявление нарушений требует массовых репрессий. Следовательно, воронка системы засасывает всё больше людей, которые прежде оставались бы незамеченными.

И вот возникает то, что кажется невозможным: на фоне невероятного технологического совершенства начинает рушиться сама суть правосудия. Поскольку каждый проступок виден, система должна реагировать. Но она не рассчитана на это. Судебные инстанции перегружаются. Тюрьмы заполняются до предела. Законодательство, прежде работавшее как сито, становится прессом.

Нарастает лавина приговоров, обжалований, новых арестов. Миллионы случаев, каждый из которых в прежней логике казался бы исключением, теперь становятся нормой. Машина справедливости начинает поедать саму себя.

Пенитенциарные учреждения, спроектированные как временное решение, превращаются в бесконечную систему накопления людей. Камеры переполнены. Надзиратели превращаются в механизмы, лишённые функции перевоспитания. Преступление больше не воспринимается как исключение — оно становится статистикой, и вместе с ним перестаёт существовать индивидуальный подход. Никто не рассматривает мотивы, не слушает обстоятельства. Всё подчинено количеству. И в этой перегрузке, где число осуждённых уже давно превышает возможности системы, репрессивный механизм начинает взрываться изнутри. Он не выдерживает собственного ритма, как сердце, доведённое до последнего удара.

Вместо порядка, к которому стремится логика возмездия, возникает социальный хаос. Миллионы людей проходят через систему, которая их не лечит, не исправляет и даже не сдерживает — она лишь выбрасывает их обратно, вычеркнутыми, сломанными, отгороженными от общества. Семьи разрушаются. Сообщества стигматизируются. На улицах растёт недоверие, страх, отчуждение. Появляется новая форма бедности — та, что не связана с экономикой, а с утратой статуса, доступа, права быть услышанным. Правосудие, претендующее на порядок, порождает беспорядок.

Сама идея закона начинает вызывать отторжение. Его больше не воспринимают как опору, как инструмент

справедливости. Он становится символом насилия, символом утраты гибкости, символом прошлого, которое не сумело адаптироваться. Люди перестают различать, где заканчивается защита и начинается подавление. Каждый становится потенциальным объектом слежки, анализа, вмешательства. Прозрачность, обещавшая безопасность, превращается в страх.

И в этом пределе наступает осознание: прежняя модель не просто устарела — она невыносима. Невозможно сохранить структуру, созданную для исключительности, в мире, где всё становится известным. Невозможно продолжать наказывать так, как если бы неизвестность ещё существовала. Приходит понимание, что сама логика наказания как основа правосудия больше не может служить человечеству. Она не останавливает насилие, не создаёт равновесия, не приносит утешения. Она лишь множит страдания, переводя одно зло в другое.

Необходима радикальная перемена. Не реформа в пределах системы, не косметическое обновление процедур, а слом парадигмы. Мир, в котором видно всё, не может больше судить по формам, унаследованным от времён, когда почти ничего не было видно. Требуется правосудие, основанное не на карающей реакции, а на способности понять, вмешаться до порога, предвосхитить разрушение, прежде чем оно совершился. Требуется отказ от идеи возмездия как опоры порядка. Только через этот отказ можно освободиться от нарастающего кошмара и начать движение к системе, в которой главное — не наказать, а сохранить человеческое.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. РИСК БОЛЬШОГО БРАТА

Когда наблюдение становится повсеместным, а прозрачность — обязательной, грань между заботой и подавлением начинает стираться. Сначала это кажется благом: умные алгоритмы оберегают, предотвращают опасность, следят за безопасностью. Камеры на улицах и в домах, датчики в одежде, системы предиктивного анализа — всё это обещает спокойствие, защищённость, устойчивость. Кажется, будто технологии наконец избавили общество от риска. Однако незаметно предупреждение превращается в контроль, забота — в надзор, а безопасность — в страх потерять свободу даже внутри самого себя.

Антиутопия, о которой прежде писали с тревожной фантазией, начинает прорастать не из насилия, а из удобства. Человек сам отдаёт ключи от своей внутренней жизни — сначала ради комфорта, потом ради защиты, а затем уже просто потому, что иначе нельзя. Всё, что может быть измерено, анализируется. Всё, что может быть предсказано, подлежит коррекции. Никакое поведение не остаётся вне оценки, никакое решение не остаётся без цифрового следа. И там, где раньше была совесть, теперь встаёт алгоритм. Он не угрожает — он просто фиксирует, замечает, накапливает, советует, корректирует. Но с каждым советом всё меньше остаётся от выбора. С каждым вмешательством — всё меньше от свободы.

Так возникает общество, построенное не на доверии, а на подозрении. Оно не преследует явно, не кричит, не требует подчинения в грубой форме. Оно встраивает контроль в саму ткань повседневности. Каждый шаг сопровождается невидимым взглядом. Каждый

отклонённый маршрут, каждое необычное поведение вызывает реакцию системы. И хотя эти реакции часто мягки — предупреждение, сообщение, корректирующая подсказка — за ними встаёт единая логика: отклонение — это риск, а риск — это угроза, подлежащая устраниению.

В таком обществе исчезает чувство приватности как права. Оно перестаёт быть чем-то самоочевидным. Частная жизнь растворяется в потоке анализа. То, что раньше принадлежало только внутреннему миру — сомнения, слабости, тайные поступки, мечты — становится материалом для оценки. И хотя никто не заставляет отказаться от этих мыслей, знание, что они будут замечены, начинает их формировать. Человек начинает думать так, как будто за ним уже следят. И это — глубинное изменение, подменяющее спонтанность — стратегией, честность — самоцензурой, а свободу — выученной осторожностью.

Манипуляция в этой системе действует не через запрет, а через предложение. Она говорит языком помощи: «Мы заботимся о тебе», «Мы хотим, чтобы тебе было лучше», «Мы предотвращаем твои ошибки». Но в этих фразах скрыта подмена субъектности. Забота, когда она навязывается, превращается в насилие. Особенно тогда, когда она навязана от имени безупречной логики, лишённой возможности ошибаться. Искусственный интеллект, не знающий сомнений, подменяет собой интуицию, право на ошибку, право быть непонятым. Он корректен — и этим опасен. Он всегда прав — и в этом его диктат.

Под этой логикой начинает размываться сама личность. Индивид, чьё поведение постоянно сопровождается

оценкой, теряет способность действовать независимо. Он формируется под давлением предсказаний. Система знает, что он сделает — и он делает то, что от него ждут. И если раньше свобода проявлялась через риск, через возможность идти против ожиданий, то теперь этот риск классифицируется как отклонение, подлежащее профилактике. Так исчезает одно из главных оснований человеческого: право быть другим.

И именно здесь встаёт главный вызов — не технический, а нравственный. Где проходит граница между заботой и диктатурой? Где кончается помошь — и начинается подмена воли? Система, которая видит всё, рано или поздно начинает решать, как должно быть. И в этом решении, каким бы рациональным оно ни казалось, исчезает пространство для несовершенного, живого, изменчивого. Там, где было доверие к человеку, возникает контроль над человеком. Там, где была возможность быть слабым, встаёт требование быть идеальным. И в этом идеально выверенном мире начинает душить тишина — не от страха перед наказанием, а от невозможности быть невычисляемым.

Риск Большого Брата — это не угроза будущего. Это тень настоящего, в котором забота подменяет выбор, предсказание — опыт, а контроль — человечность. Выход из этой тени возможен только через признание: никакая система, сколь бы точной она ни была, не должна забирать право на тайну, право на сомнение, право на отклонение. Только там, где человек остаётся непредсказуем, он остаётся живым.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ЧЕЛОВЕК НЕ ПРЕСТУПНИК

Когда на лицо навешивается ярлык, исчезает лицо. Остатки индивидуальности стираются под напором обобщающего слова, превращающего человека в функцию. Так, «преступник» — не просто характеристика, а приговор, вынесенный не только судом, но и восприятием. Это слово отсекает прошлое, отменяет сложность, уничтожает контекст. Оно делает человека плоским, превращая его в символ нарушения. И именно в этом заключается глубокая ошибка старой модели: она отождествляет поступок с личностью, тем самым лишая её шанса быть понятой.

Машина, сколь бы совершенной она ни была, не может по-настоящему видеть человека, пока не научится смотреть его глазами. Искусственный интеллект, наделённый доступом ко всем данным, не способен приблизиться к истине, если анализирует только поступок, не вникая в то, что было до него. В логике предсказания и доказательства не остаётся места для внутренних трещин, для боли, страха, растерянности, которые часто предшествуют действию. Робот-детектив, по-настоящему гуманизированный, должен учиться не только фиксировать нарушение, но и вживаться в перспективу обвиняемого, видеть его маршрут не с высоты кода, а изнутри его шагов.

Тот, кто переступил черту, часто сам является результатом системной ошибки. Он не просто нарушил — он был нарушен. Обстоятельствами, равнодушием, насилием, нищетой, отсутствием выбора. Это не означает снятие ответственности, но требует понимания, что поступок — не точка, а вершина кривой, растущей из десятков событий, решений, столкновений. В старой

парадигме правосудия нарушитель отделялся от среды, как будто родился вне неё, как будто его действия не имели корней. В новой же перспективе именно история становится ключом. Биография важнее статьи. Судьба важнее абстрактного закона.

Закон, отделённый от сознания, неизбежно становится слепым. Он выносит одинаковые приговоры для людей, у которых нет ничего общего, кроме момента поступка. Но один крадёт из голода, другой — из безысходности, третий — из привычки, четвёртый — из протesta. Старый механизм не различает эти оттенки, потому что он построен на уравнивании, на фиксации нарушения, а не на исследовании пути. Именно поэтому в сердце новой модели должно встать не правило, а эмпатия — способность чувствовать, не теряя ясности; услышать не оправдание, а боль; рассмотреть не только ответственность, но и уязвимость.

Это не сентиментальность и не ослабление меры. Это — переопределение самой меры. Эмпатия требует усилия. Она не упрощает, а усложняет правосудие. Вместо готовых ответов она требует исследования, вместо стандартных санкций — индивидуальных решений. И здесь возникает новое видение: не человек для закона, а закон для человека. Не универсальный механизм, отсекающий отклонения, а система, способная лечить, распознавать, удерживать от падения.

В этой новой перспективе исчезает массовый образ «виновного», и появляется уникальный человек — со своей болью, своей ошибкой, своей историей. Не объект системы, а субъект внимания. Правосудие превращается из карательной структуры в поле отношений, где каждый имеет право быть услышанным. Там, где прежде был

допрос, появляется диалог. Там, где прежде был приговор, появляется вопрос: что делать, чтобы этот путь не повторился?

Забота в этом контексте перестаёт быть словом из сферы благотворительности. Она становится новой формой ответственности: видеть каждого — как отдельного, понимать каждого — как исключительного, относиться к каждому — как к тому, кто мог быть другим, если бы был услышен вовремя. И в этом сдвиге скрыта возможность создать такую модель, в которой не будет победителей и проигравших, а будет только стремление не допустить, чтобы человек снова оказался один наедине с системой, не понимающей, кем он был, прежде чем совершил то, за что его теперь хотят забыть.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ФУНКЦИИ НОВОЙ СИСТЕМЫ

Когда старая модель рассыпается под весом собственных противоречий, наступает пора не разрушения, а созидания. Мир, в котором невозможно больше прятаться, требует не более жёсткой руки, а более чуткого сердца. Правосудие будущего должно быть не машиной расплаты, а живым организмом, способным чувствовать, предугадывать, адаптироваться. Его задача — не подчинить, а понять, не наказать, а восстановить, не изолировать, а исцелить. И если прежняя система измеряла свою силу количеством приговоров, новая будет оценивать себя по числу предотвращённых бед. Её цель — не довести до точки взрыва, а разрядить напряжение задолго до того, как оно станет разрушительным.

Первая функция новой модели — предотвращение. Это не слежка, не пресечение, не угроза. Это — искусство улавливать напряжение до того, как оно оформится в поступок. Технологии, обладающие способностью анализировать паттерны поведения, изменение ритма жизни, отклонения в привычных реакциях, должны научиться не фиксировать преступление, а распознавать тревогу. Конфликт не должен доходить до вспышки, если его можно предчувствовать, распознать в зачатке, мягко отвести. И здесь вмешательство системы должно быть не карательным, а поддерживающим. Человек, находящийся на грани, не должен быть объектом подозрения — он должен стать объектом помощи.

Следующий уровень — вовлечение. Отчуждение, пустота, утрата смысла — вот почва, на которой чаще всего прорастает разрушительное поведение. Чтобы удержать человека от падения, нужно не угрожать, а

втянуть в жизнь. Не изолировать, а пригласить к участию. Новая система должна работать с личным контекстом: находить занятие, которое способно вернуть интерес; деятельность, способную восстановить чувство собственной значимости; среду, где можно снова стать частью. Это не воспитание и не надзор — это сотворчество, совместное строительство таких условий, в которых человек не ищет выхода во тьме, потому что перед ним есть путь к свету. Там, где раньше ставился надзор, теперь возникает приглашение к осмысленной жизни.

Третья функция — репарация. Нарушение, которое принесло вред, не исчезает с извинением. Но и не требует возмездия в виде страдания. Компенсация — не в форме личного наказания, а через системный механизм: фонд, который служит восстановлению справедливости без уничтожения. Фонд, из которого может быть восстановлено утраченное: материально, эмоционально, структурно. Это не отменяет ответственности, но переопределяет её форму. Человек не изолируется — он включается в процесс восстановления. При этом жертва не остаётся в одиночестве, не становится просто эпизодом в уголовном деле, а получает реальную поддержку, направленную не на месть, а на возвращение утраченного баланса.

Иногда, однако, возникает реальная угроза. Тогда система должна предусматривать изоляцию — но не в прежней форме, где заключение означало утрату достоинства, прав и связи с внешним миром. Изоляция должна быть точной, временной, минимально травматичной, ориентированной не на отторжение, а на

защиту. Она не должна быть местью — она должна быть актом заботы, одновременно об обществе и о самом изолируемом. При этом права не аннулируются. Человек не вычёркивается. Он сохраняет голос, доступ к коммуникации, возможность быть услышанным. Его не прячут — его временно защищают от тех условий, в которых он может стать опасен.

Ключевым элементом становится не противопоставление — а восстановление связей. Не разрушение — а оздоровление отношений. Конфликт больше не воспринимается как враг, его не нужно подавлять, его нужно переработать. Новая система не сводит всё к виновности. Она ищет, где было недопонимание, где боль перешла в ярость, где одиночество стало агрессией. Вместо того чтобы карать, она начинает лечить. Не в медицинском, а в социальном, этическом, человеческом смысле. Она создаёт пространство, в котором травма может быть названа, понята, исцелена, а не превращена в приговор.

Главное же отличие новой модели — её двойная направленность. Она служит не одной стороне, а обеим. Жертва получает не формальное сочувствие, а реальное внимание, заботу, восстановление. Тот, кого раньше называли преступником, не становится символом зла, не выносится за пределы человеческого. Он остаётся частью общества, с ним работают не как с угрозой, а как с человеком, утратившим путь. В этом равновесии — не слабость, а сила. Потому что система, способная заботиться о самых уязвимых — и среди пострадавших, и среди обвиняемых — доказывает свою зрелость.

Именно здесь, в новых функциях, скрывается подлинная трансформация. Правосудие перестаёт быть актом

расплаты. Оно становится процессом заботы. Не о статичном порядке, но о хрупком равновесии, в котором каждый имеет право на участие, на восстановление, на возвращение. И это уже не просто юридическая конструкция. Это — новая культура человечности, в которой больше нет места для механических ярлыков, но есть место для глубокой, трудной, живой работы по удержанию каждого на стороне света.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. РОЛЬ ИИ КАК ПАРТНЁРА

Когда искусственный интеллект перестаёт быть инструментом слежки и машины возмездия, перед ним открывается иная перспектива — не контроль, а участие, не кара, а поддержка. В старой парадигме ИИ замещал человеческую слабость: он видел то, что ускользает от глаза, помнил то, что забывает память, вычислял то, что не поддаётся интуиции. Но при этом его место оставалось вторичным, подчинённым — он служил системе, чья суть не подвергалась сомнению. Его вовлекали для усиления прежних механизмов: ускорения суда, уточнения вины, автоматизации наказания. Так он становился исполнителем чужой воли, часто слепой к человеческому.

Теперь же, когда сама суть правосудия меняется, меняется и место ИИ в её структуре. Он больше не судья и не палач. Он не выносит приговоров, не определяет меру страдания, не отбирает у человека право быть услышанным. Его роль становится иной — и в этом сдвиге проявляется зрелость нового подхода. Искусственный интеллект становится партнёром, не потому что обретает чувства, а потому что обретает функцию, сообразную новой этике. Он становится медиатором — не вмешивающимся сверху, а способным построить мост между теми, кто оказался по разные стороны конфликта. Он не навязывает решение, но создаёт пространство, где оно может быть найдено.

Больше того, он становится фасilitатором — тем, кто не ведёт за руку, но поддерживает движение. Он участвует в процессе не как вершитель, а как организатор условий. Он может видеть напряжение раньше человека, предсказывать пути развития

конфликта, предлагать форму взаимодействия, которая позволит избежать разрушения. Он предлагает не санкцию, а шанс, не выносит вердикт, а собирает нити — так, чтобы человек сам увидел, где произошёл разрыв, и что может его восстановить.

ИИ перестаёт быть реактивным — он становится активным участником. Не просто советником, но инициатором действий. Он вовлекает. Не с позиции надзора, а с позиции внимательности. Он предлагает варианты, он отслеживает, где начинается отчуждение, где появляется уязвимость, где растёт напряжение. И он действует — мягко, заранее, ненавязчиво. Он пишет письмо, напоминает о встрече, предлагает разговор, моделирует последствия. И всё это — не для того, чтобы запугать, а чтобы удержать.

Так возникают алгоритмы заботы. Не программы, фиксирующие нарушение, а структуры, поддерживающие человека в его хрупкости. Они не ищут слабость, чтобы на неё надавить — они ищут её, чтобы подставить плечо. Такие алгоритмы не карательны — они терапевтичны. Они работают не по логике «если — то накажи», а по логике «если — то пойми». Их цель — не исправить, а поддержать. Они не исключают ошибку, но минимизируют её последствия. Они не устраниют страдание через изоляцию, а стремятся к его смягчению через восстановление связей, через возвращение человека в поле смысла.

Во главу новой системы становится поставлена не процедура, а человек. И технология — в этой конструкции — лишь помощник. Не надзиратель, не вершитель, не инженер контроля. А архитектор условий, в которых возможно настоящее присутствие, участие,

слышимость. Он работает с полем, а не с приговором. Он наблюдает не ради наказания, а ради упреждения боли. И в этом его подлинное предназначение: служить, а не управлять.

Технология, перестроенная на такие рельсы, перестаёт быть холодной. Она не становится «гуманной» в привычном смысле — она остаётся машиной. Но она включается в человеческий проект, где цель — не наведение порядка любой ценой, а минимизация страдания и создание таких форм совместной жизни, в которых нет нужды в мести, стыде и страхе. Искусственный интеллект становится не средством давления, а средой взаимодействия. Он перестаёт быть оружием и становится пространством — гибким, тонким, поддерживающим.

Так возникает правосудие нового времени, в котором технологии не заменяют человека, но сопровождают его. Не диктуют, но уравновешивают. Не обостряют, а смягчают. И в этом — не отказ от ИИ, но признание его зрелой роли. Роли спутника, умеющего не только видеть, но и создавать условия для того, чтобы человек, оступившись, не провалился в бездну, а снова нашёл путь обратно — к себе, к другим, к жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: СИСТЕМА ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Мир, в котором всё становится видимым, не может больше мириться с принципами, порождёнными эпохой тьмы. Старое правосудие, основанное на допущении неизвестности, на идее неизбежной ошибки, на необходимости страдания как меры равновесия, отслужило свой срок. Оно было построено для другой реальности — для времени, когда человек оставался закрытым, когда истина ускользала, когда преступление можно было спрятать, а наказание казалось единственным способом удержать общество от разложения. Но больше нет тени, в которой можно исчезнуть. Искусственный интеллект видит всё — не поверхностно, а вглубь; не эпизодически, а системно. Однако именно это знание, именно это беспрецедентное понимание не даёт права на механическое возмездие, а, напротив, требует отказа от него.

Массовое раскрытие нарушений, совершённых когда-то в тишине и незнании, не означает, что каждый поступок должен повлечь за собой страдание. Наоборот, это новая отправная точка — не для мщения, а для трансформации. Прозрачность без милосердия превращается в диктат, знание без заботы — в инструмент страха. Если видеть всё — значит карать всех, то перед обществом встаёт перспектива бесконечной репрессии. Но если видеть — значит понимать, значит сочувствовать, значит искать, как помочь, — тогда открывается другой путь, тот, в котором человек остаётся в центре, а не на обочине системы.

Новая система не может больше опираться на справедливость как на фундамент. Справедливость, в своём привычном виде, есть мера боли, мера

эквивалента, мера возвращения долга. Но человек — не долг. Человек — не сумма своих ошибок. Строить правосудие на справедливости — значит продолжать смотреть на людей как на объекты баланса. Новый фундамент — это забота. Забота, не как сентиментальная эмоция, а как зрелый принцип. Забота, как способность распознать уязвимость прежде, чем она станет угрозой. Забота, как отказ от клейма, как признание уникальности каждого, как готовность видеть сложное и не отступать перед ним.

Главный принцип новой модели — не возмездие, а предотвращение. Не расплата, а оздоровление. Не страх перед наказанием, а доверие к системе, которая поддержит, если оступишься. Такая система работает с ранним сигналом, с тонким напряжением, с невыраженной болью. Она вовлекает, прежде чем наказывает. Она исцеляет, прежде чем изолирует. Она понимает, что преступление — это не всегда злоба, а часто — крик о помощи. И она отвечает не холодным приговором, а тёплой, но точной интервенцией. Это не вседозволенность — это зрелая форма ответственности, где главная цель — не убрать, а вернуть, не изъять, а восстановить.

Для этого приходится отказаться от старой терминологии. Слово «преступник» больше не описывает реальность — оно её деформирует. Оно вырывает поступок из контекста и делает его сущностью. Так же и «жертва» перестаёт быть точной категорией: она фиксирует боль, но не даёт выхода из неё. В новом подходе человек не обозначается ярлыком — он воспринимается в развитии, в своём изменении, в движении от травмы к восстановлению, от ошибки к

пониманию. И каждый в этом процессе — носитель боли, но и носитель возможности исцелиться.

Будущее правосудия — не в борьбе с людьми, а в служении им. Это больше не арена, где система сражается с нарушителями, а поле, на котором общество собирается вместе, чтобы удержать каждого от падения. Искусственный интеллект в этой системе — не надзиратель, а партнёр. Он помогает, не подчиняет. Он направляет, не диктует. И в этом союзе технологии и человечности рождается новая форма общественного устройства — не основанная на страхе, а питаемая доверием.

Это будущее возможно. Оно не потребует идеальных людей — оно требует зрелых структур. Оно не устранит боль — но сделает её поводом для роста, а не для возмездия. Оно не откажется от правосудия — но преобразит его до неузнаваемости. И в центре этой трансформации будет стоять человек: уязвимый, несовершенный, но всегда достойный быть услышанным, понятным и поддержаным.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Agre, P. E. (1994). Surveillance and capture: Two models of privacy. *The Information Society*, 10(2), 101–127.
2. Allen, R., Smit, I., & Wallach, W. (2006). Artificial morality: Top-down, bottom-up, and hybrid approaches. *Ethics and Information Technology*, 7(3), 149–155.
3. Andrejevic, M. (2007). *iSpy: Surveillance and power in the interactive era*. University Press of Kansas.
4. Bauman, Z., & Lyon, D. (2013). *Liquid surveillance: A conversation*. Polity.
5. Benbouzid, B. (2019). To predict and to manage. Predictive policing in the United States. *Big Data & Society*, 6(1), 1–11.
6. Berner, A. (2020). *Künstliche Intelligenz und Recht: Eine Einführung*. Mohr Siebeck.
7. Binns, R. (2018). Fairness in machine learning: Lessons from political philosophy. *Proceedings of the 2020 Conference on Fairness, Accountability, and Transparency*, 149–159.
8. Bogard, W. (2006). Surveillance assemblages and lines of flight. *Theoretical Criminology*, 10(3), 295–314.
9. Brayne, S. (2017). Big data surveillance: The case of policing. *American Sociological Review*, 82(5), 977–1008.
10. Brey, P. (2008). Ethical aspects of facial recognition systems in public places. *Journal of Information, Communication and Ethics in Society*, 6(2), 97–109.
11. Calo, R. (2014). Robotics and the lessons of cyberlaw. *California Law Review*, 103(3), 513–563.
12. Capurro, R., & Nagenborg, M. (Eds.). (2011). *Ethics and robotics*. IOS Press.
13. Chen, J., & Zhao, Y. (2021). Predictive policing and human rights in China: A case study. *Human Rights Review*, 22(2), 215–234.
14. Clarke, R. (1988). Information technology and dataveillance. *Communications of the ACM*, 31(5), 498–512.
15. Coeckelbergh, M. (2020). *AI ethics*. MIT Press.
16. Cohen, J. E. (2012). *Configuring the networked self: Law, code, and the play of everyday practice*. Yale University Press.
17. Danaher, J. (2016). The threat of algocracy: Reality, resistance and accommodation. *Philosophy & Technology*, 29(3), 245–

- 268.
18. Dastin, J. (2018). Amazon scrapped 'sexist AI' recruiting tool. *Reuters*.
 19. Deleuze, G. (1992). Postscript on the societies of control. *October*, 59, 3–7.
 20. Dignum, V. (2019). *Responsible artificial intelligence: How to develop and use AI in a responsible way*. Springer.
 21. Eubanks, V. (2017). *Automating inequality: How high-tech tools profile, police, and punish the poor*. St. Martin's Press.
 22. Ferguson, A. G. (2017). *The rise of big data policing: Surveillance, race, and the future of law enforcement*. NYU Press.
 23. Fisher, E. (2022). AI and forensic science: Challenges and opportunities. *Science and Justice*, 62(1), 1–9.
 24. Foucault, M. (1975). *Surveiller et punir: Naissance de la prison*. Gallimard.
 25. Friedman, B., & Nissenbaum, H. (1996). Bias in computer systems. *ACM Transactions on Information Systems*, 14(3), 330–347.
 26. Garfinkel, S., & Lipford, H. R. (Eds.). (2014). *Usable privacy and security*. Springer.
 27. Gillespie, T. (2018). *Custodians of the Internet: Platforms, content moderation, and the hidden decisions that shape social media*. Yale University Press.
 28. Green, B. (2020). *The smart enough city: Putting technology in its place to reclaim our urban future*. MIT Press.
 29. Harcourt, B. E. (2015). *Exposed: Desire and disobedience in the digital age*. Harvard University Press.
 30. Harcourt, B. E. (2007). *Against prediction: Profiling, policing, and punishing in an actuarial age*. University of Chicago Press.
 31. Helbing, D. (2015). *Thinking ahead: Essays on big data, digital revolution, and participatory market society*. Springer.
 32. Hoeren, T. (2021). *Recht und KI: Juristische Perspektiven auf künstliche Intelligenz*. Nomos.
 33. Kerr, I. (2011). Digital locks and the automation of virtue. In L. Lessig (Ed.), *Code 2.0*. Basic Books.
 34. Kitchin, R. (2014). *The data revolution: Big data, open data, data infrastructures and their consequences*. Sage.
 35. Latonero, M. (2018). *Governing artificial intelligence*:

- Upholding human rights & dignity.* Data & Society Research Institute.
36. Lepri, B., Staiano, J., Sangokoya, D., Letouzé, E., & Oliver, N. (2017). The tyranny of data? The bright and dark sides of data-driven decision-making for social good. *Philosophy & Technology*, 30(1), 67–81.
 37. Lessig, L. (2006). *Code: And other laws of cyberspace* (Version 2.0). Basic Books.
 38. Lianos, I., & Hacker, P. (2021). *The law and ethics of algorithmic bias*. Oxford University Press.
 39. Lyon, D. (2003). *Surveillance after September 11*. Polity.
 40. Manovich, L. (2013). *Software takes command*. Bloomsbury Academic.
 41. McStay, A. (2018). *Emotional AI: The rise of empathic media*. Sage.
 42. Metcalf, J., Moss, E., Watkins, E. A., & boyd, d. (2021). Algorithmic impact assessments and accountability: The co-construction of impacts. *Data & Society Report Series*.
 43. Nissenbaum, H. (2004). Privacy as contextual integrity. *Washington Law Review*, 79, 119–157.
 44. Pasquale, F. (2015). *The black box society: The secret algorithms that control money and information*. Harvard University Press.
 45. Polanski, P. P. (2020). Artificial intelligence and the law: Current applications and future perspectives. *Computer Law & Security Review*, 36, 105396.
 46. Rovroy, A., & Berns, T. (2013). Algorithmic governmentality and prospects of emancipation. *Réseaux*, 177(1), 163–196.
 47. Schermer, B. W. (2011). The limits of privacy in automated profiling and data mining. *Computer Law & Security Review*, 27(1), 45–52.
 48. Schneier, B. (2015). *Data and Goliath: The hidden battles to collect your data and control your world*. W. W. Norton.
 49. Sharkey, N. (2008). The ethical frontiers of robotics. *Science*, 322(5909), 1800–1801.
 50. Tufekci, Z. (2015). Algorithmic harms beyond Facebook and Google: Emergent challenges of computational agency. *Colorado Technology Law Journal*, 13(203), 203–218.
 51. Yeung, K. (2018). Algorithmic regulation: A critical

- interrogation. *Regulation & Governance*, 12(4), 505–523.
52. Zuboff, S. (2019). *The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power*. PublicAffairs.